

— Ты, бродячая псина, чего удумала? — Ан Лэ оробела, ноги задрожали. Она подумала: неужели эта тварь и правда хочет меня укусить? Взглянув на её обтянутый кожей скелет, Ан Лэ поняла: собака не ела мяса, наверное, несколько лет. Тут не просто укусить хочется, тут явно намерение сожрать меня целиком!

Ан Лэ взвыла про себя: ученье — свет, а она горько жалела, что в своё время хваталась за всё подряд, но так и не выучила балет. Иначе сейчас могла бы спастись одним лихим ударом ноги с разворота в сто восемьдесят градусов!

— Твою ж мать! Ты раздавила мой куриный окорочок! — прорычала тощая собака, свирепо скалясь. В её глазах, где белки резко контрастировали со зрачками, плескалась неприкрытая враждебность.

— А? — Ан Лэ, разумеется, не поняла ни слова, но зато почувствовала, что подошва её обуви стала липкой. Опустив взгляд, она обомлела:

— Да твою ж... Я что, в дерьмо наступила?! — простонала она.

Собака от возмущения аж подпрыгнула на месте!

— Я этот окорочок несколько дней берег, впроголодь жил, чтобы приберечь, а ты не только раздавила его в кашу, но ещё смеешь называть его дерьмом? Ты хоть подумала о моих чувствах, когда выдала такое?!

Ан Лэ только моргнула: в следующее мгновение перед её глазами возникла грязная собачья лапа, стремительно увеличиваясь в размерах, а секундой позже бедняжку отправили в полёт.

Да, её действительно пнули!

Её, человека, пнула собака!

О боже! Неужели нынешние псы поголовно используют читы? Нет, постой, она ещё и кровью плюнула! Она что, умрёт? Неужели она станет первым в мире человеком, которого не загрызли, а забили ногами? Ей даже послышался какой-то собачий выкрик, похожий на «Я-ча!»...

Братец пёс, сколько же тебе лет? Ты, должно быть, большой фанат Брюса Ли?

Подземное царство.

— Владыка Яма, ваш Сяо Бай человека до смерти забил.

Черный и Белый Чиновники стояли перед тронном, их лица напоминали грозные тучи.

— Что? Эта тварь неблагодарная! Я пару лет был занят делами и не следил за ним, так он мне такое преступление устроил! — Яма в ярости вскочил со своего места.

«Пару лет не следил... да?»

Неудивительно, что пёс даже дерьмо ест с таким аппетитом.

Черный и Белый Чиновники понимающе переглянулись, тихонько кашлянули и устались в пол, стараясь не подавать виду.

Насчёт жестокого обращения Владыки с животными им лучше было промолчать.

Если бы сегодня случайно не обнаружилась новопреставленная душа, чей земной срок ещё не истёк, Яма, пожалуй, до самой смерти не вспомнил бы о существовании Сяо Бая. Как же жаль собаку: помучили пару дней и бросили на произвол судьбы.

А та несчастная девушка и вовсе достойна жалости. Кто бы мог подумать, что обычная дворняга владеет стилем Вин-Чунь!

— А что, если просто вернуть её душу обратно в тело? — Яма захлопнул папку с делом, поданную Чиновниками, и виновато спросил.

— Невозможно. Врачи в мире живых уже зафиксировали смерть и провели осмотр. Там к вопросам воскрешения относятся крайне подозрительно. Если мы вернём её, через пару дней она снова окажется здесь, — сурово ответил Черный Чиновник.

— Этот старый хрыч Нефритовый Император с прошлого месяца так и не выделил нам бюджет. У Мэн По даже денег на покупку слёз не осталось. Посмотрите, как она плачет — уже несколько кувшинов её горьких слёз накопилось, — Яма ковырял в носу и жаловался на жизнь.

Для приготовления супа Мэн По нужно восемь видов слёз: слёзы новорожденного, старого человека, горькие слёзы, слёзы раскаяния, тоски, болезни, разлуки и восьмой ингредиент — слёзы самой Мэн По.

Из-за нехватки средств суп стал стоить целое состояние. Души, у которых нет денег, не могут его выпить, а без него нет шанса на перерождение. Но и оставлять эту душу здесь нельзя, а давать бесплатную порцию — жаба душит даже больше, чем саму Мэн По.

Но что поделать? Срок жизни не истёк, поить её супом — против правил.

— Пусть просто перерождается! В этот раз обойдётся без супа Мэн По! — Яма перестал ковырять в носу, щёлкнул пальцами и с лёгкостью отмахнулся.

Глаза Черного Чиновника расширились, лицо позеленело. Он ловко увернулся от летящего в него «чёрного объекта» и, схватив Белого, бросился наутёк. Только отбежав на километр к реке Забвения, они не выдержали и их вырвало, чем вызвали вой бесчисленных неприкаянных душ внизу.

— Девушка, раз уж ты пострадала по вине Ямы и мы с тобой, можно сказать, коллеги по несчастью, поможем тебе найти хорошую семью! — Белый Чиновник нежно посмотрел на сгусток души в своих руках, скатал его в шарик и бросил в белоснежный, сияющий унитаз.

Черный Чиновник, просматривавший документы, увидел, как тот дёрнул за слив, и ошарашенно спросил:

— Ты что делаешь?

— Отправляю её на перерождение, а что?

— Это канал в иные миры! Он ещё не доработан! Ты отправил её туда, и теперь неизвестно, человеком она родится или животным! Мы всегда пользовались вот этим! — взревел Черный Чиновник, отодвигаясь и открывая старый, грязный унитаз.

Белый Чиновник смутился.

Всё пропало!

Вот она — беда близорукости. Мир для него — сплошная плоскость: дальше двадцати метров — всё едино, дальше тридцати — не отличить человека от зверя. А у него случай был ещё запущеннее. Он поклялся, что завтра же приснится родным и попросит сжечь ему очки.

Девушка, прости нас! Увидимся в следующей жизни!

Неизвестно, сколько прошло времени, но к Ан Лэ начало возвращаться сознание. Сначала она услышала женский крик, раздирающий душу — то затихающий, то переходящий в истошный

воплъ.

Неужели девчонки из общежития снова смотрят японские фильмы? Неужели нельзя сделать звук потише?

Ан Лэ почувствовала, как покраснели уши от стыда. Затем, по ощущениям, она поняла, что её плотно обволакивает что-то тёплое, но при этом до жути тесное, не дающее вздохнуть.

Погодите-ка, что-то здесь не так!

Где мои изящные руки? Где мои длинные ноги? Почему я не могу пошевелиться?!

Меня что, похитили?

Может, та женщина кричит, потому что её пытаются, и скоро дойдёт очередь до меня?

Ан Лэ затряслась от страха. В этот момент до неё донеслись другие голоса:

— Госпожа, тужьтесь! Уже показалась головка!

— Госпожа, держитесь! Генерал ждёт снаружи!

Тужьтесь? Головка ребёнка? Как это похоже на реплики из сериалов про роды. Госпожа? Генерал? Что вообще происходит? Я сплю? Или вы телевизор смотрите?

Нет... постойте, даже если вы смотрите телевизор, отпустите меня сначала!

Ан Лэ попыталась заговорить, но не смогла даже открыть рот. Паника нарастала.

После очередного душераздирающего крика женщины Ан Лэ вдруг почувствовала, как её тело освободилось от оков.

— Госпожа, госпожа, это маленькая барышня! Посмотрите, как она похожа на вас! Какая же красавица! — кто-то подхватил её на руки.

Ан Лэ не могла поверить в происходящее. Она твердила себе: это сон, это точно сон!

У неё рост метр семьдесят, как эта женщина может держать её как младенца? Разве это возможно? Только если она попала в страну великанов! Но разве такие существуют? Если это не сон, то что тогда?

— Непорядок, ребёнок не плачет! Скорее, дайте её мне! — раздался высокий голос, похожий на голос торговки мясом с рынка под её окном — типичный голос полной женщины.

У Ан Лэ возникло нехорошее предчувствие.

— С-слушаюсь.

Кто-то перевернул её вниз головой, и огромная мясистая ладонь с силой обрушилась на её ягодицы.

— Шлёп!

Хоть били по попе, Ан Лэ почувствовала, что готова выплюнуть все внутренности.

Больно... как же больно!

Ты, старая ведьма! Ты думаешь, все в мире такие же толстокожие, как ты?! Да чтоб тебя! Мы что, враги?!

От боли на глаза навернулись слёзы, она открыла рот, чтобы выругаться, но вместо этого...

— Уа-уа-уа... — раздался плач новорожденного.

Ан Лэ в ужасе замолчала. Это... это издала она? Она стала младенцем? Кто-нибудь, объясните, что происходит!

Но никто не ответил. Её, продолжающую всхлипывать, быстро завернули в ткань.

— Дай её мне... — раздался нежный, но очень слабый голос. Ан Лэ переложили в другие руки. — Тише, малышка, не плачь... — её лоб погладили, голос звучал так ласково, что сердце Ан Лэ растаяло.

Она вспомнила свою маму. Хотя та была с ней грубовата и заставляла краснеть от стыда, она знала, что мама её любит. Может, когда она сама была такой крохой, мама точно так же прижимала её к себе?

Свет был тусклым, наверное, вечер, подумала Ан Лэ. Она с трудом разлепила заплаканные глаза и остолбенела. Перед ней было красивое, бледное как полотно лицо. Несмотря на отсутствие красок, было ясно: эта женщина — настоящая красавица.

Ан Лэ никогда не видела никого прекраснее.

Служанка Я'эр прикрыла рот рукой:

— Посмотрите, маленькая барышня уставилась на вас, госпожа, словно замороженная вашей красотой.

Мужун Пиньжу слабо улыбнулась:

— Глупости, что ребёнок может понимать?

В такой важный момент, как роды, в комнате были лишь трое: повитуха, служанка Я'эр и эта женщина, которая даже в муках родов сохраняла неземную красоту.

— Генерал и остальные ждут снаружи? — спросила Мужун Пиньжу.

— Да, госпожа.

— ... — Мужун Пиньжу замолчала.

Я'эр с недоумением посмотрела на неё:

— Госпожа, что с вами?

Та тяжело вздохнула, в глубине её прекрасных глаз таились чувства, которые невозможно было разгадать. Она подняла взгляд и многозначительно посмотрела на повитуху.

Повитуха, повидавшая на своём веку немало, моментально всё поняла.

— Я всё поняла, госпожа. Пока вы не дадите указаний, я буду нем как рыба!

Мужун Пиньжу слабо кивнула и жестом отослала повитуху.

Я'эр с тревогой смотрела на свою госпожу.

Мужун Пиньжу помолчала, а затем тихо произнесла:

— Издревле мужчины могут иметь наложниц, а женщины должны следовать трём подчинениям и четырём добродетелям. Брак — это воля родителей и слова сватов. Редко кому удаётся встретить суженого по сердцу...

— Госпожа... — Я'эр сочувственно вздохнула.

— Бедное моё дитя, как бы я хотела вырастить тебя сама, но мой век недолог. Твой отец вечно на границе, а Аосюэ ненавидит меня за то, что я увела её мужа. Она не пощадит тебя. Если ты станешь ей мешать, она выдаст тебя замуж за первого встречного, — Мужун Пиньжу заплакала. — Я не могу дать тебе крепкое тело, так позволь мне дать тебе мужской облик. Жизнь будет трудной, но это лучше, чем прозябать в нелюбимой семье. А если встретишь того, кто по сердцу, успеешь ещё открыться.

— Госпожа! — Я'эр была ошеломлена. — Мужчины семьи Ань должны сражаться и служить при дворе. Если маленькая барышня будет выдавать себя за юношу, это же обман императора!

— Я отравлена и не доживу до конца года. Бедное дитя, она уже пострадала в утробе, её меридианы повреждены, она не сможет заниматься боевыми искусствами, какая уж тут служба? — голос Мужун Пиньжу, несмотря на слёзы, звучал властно. — К тому же, когда ты видела, чтобы кто-то из семьи Мужун позволял себя обижать?

— Госпожа, не говорите так, мы что-нибудь придумаем! Мы можем поехать к старейшинам...

— Довольно. Я знаю, что с моим телом. Я'эр, я доверяю тебе больше всех. Позаботься о моём ребёнке.

Мужун Пиньжу посмотрела на служанку:

— Раз уж я решила дать ей такую судьбу, ты знаешь, что нужно сделать.

— Да... — Я'эр вытерла слёзы. Она была умна и всё поняла.

Повитуха не должна остаться в столице.

Я'эр завернула Ан Лэ в пелёнки, позвала повитуху и шепнула ей пару слов. Та просияла и закивала. Затем Я'эр вышла к остальным слугам и велела им объявить на весь дом, что вторая жена родила наследника.

Ан Лэ, устав плакать, давно уснула. Мужун Пиньжу смотрела на сморщенное личико младенца, её лицо смягчилось, но тут же вновь омрачилось тревогой: «Дитя моё, я не боюсь смерти, там меня ждут... Я боюсь лишь того, что оставляю тебя одну, беззащитную... Сможешь ли ты защитить то, что принадлежит семье Мужун?»

В годы правления У-ли, наложница генерала Ань Цихоу, Мужун Пиньжу, родила сына,

которого называли Ань Лэтянь. Любители сплетен клялись, что накануне рождения в поместье упала фиолетовая звезда — добрый знак! И пополз слух, что Ань Лэтянь — небесный дух, ниспосланный для защиты империи Фуюнь. Конечно, после того как его мать скончалась спустя три месяца, об этом старались не упоминать.

Мужчина с измождённым лицом, прижимая к себе пухлый свёрток, стоял в двух чжанах от цветущей сливы. Младенец был необычайно красив, его щёчки покраснели от холода, но он вёл себя тихо, уютно устроившись в руках отца.

Мужчина не двигался, его тигриные глаза были прикованы к цветам, словно он смотрел на возлюбленную.

Прошла минута.

Прошло пятнадцать минут.

Прошло полчаса...

Мужчина всё ещё застыл в одной позе.

Ан Лэ не выдержала! Дядя, очнись!

Это неловкое молчание уже начинает раздражать! Хотя говорить она всё ещё не могла, но сегодня был день её «выбора судьбы», можно было бы вести себя и поактивнее.

Обряд «чжуа-чжоу» — гадание на будущее ребёнка в день его первого года жизни. Перед ним раскладывали разные предметы: что схватит — тем и будет заниматься. Ан Лэ считала это ерундой, но понимала, что для репутации это важно.

Вспомнив «Сон в красном тереме», как Баоюй схватил женские безделушки, из-за чего отец разочаровался в нём, она невольно улыбнулась.

Когда-то она спрашивала свою маму, как проходил этот обряд у неё. Мама ответила: «Ты с братом-близнецом всё перевернули вверх дном. Мы разложили кучу драгоценностей, а ты даже не взглянула — просто дала брату по голове, чтобы он заплакал, и забрала его еду и деньги...»

«Прирождённая бандитка», — подумала тогда Ан Лэ.

Братец, прости, что столько лет терпел меня. Жаль, что я вряд ли смогу вернуться и досаждать тебе снова.

Ан Лэ взгрустнулось, глаза предательски защипало.

Я'эр очень переживала за Ан Лэ из-за её тайны. Вчера вечером она долго и нудно наставляла её, что можно трогать, а что нельзя, хотя прекрасно понимала, что младенец вряд ли что-то понимает. Но она продолжала твердить полчаса, пока не вымотала Ан Лэ окончательно.

Утром пришёл генерал Ань Цихоу и велел одеть ребёнка потеплее, чтобы погулять в саду. Я'эр, боясь, что малышка замёрзнет, закутала её как луковицу. Когда Ан Лэ окончательно проснулась, она обнаружила, что не может даже согнуть руки. Её, как крест, вынесли в сад.

Ан Лэ мысленно рыдала: «Добрые люди, снимите с меня хоть пару халатов! Я же двигаться не могу!»

Это было похуже похищения!

Генерал услышал её кряхтение, посмотрел на недовольную гримасу дочери и, будучи суровым воином, вдруг стал невероятно нежным:

— Малышка, неужели ты...

«Да! Именно! На мне слишком много одежды, мне нечем дышать!» — Ан Лэ была в восторге, думая, что он её понял.

— ...неужели ты тоже скучаешь по маме? — тихо спросил генерал.

«Бум!» Ан Лэ хотелось биться головой об стену. В этой семье явно никто не имел понятия о воспитании детей...

Генерал поднял глаза на цветущую сливу:

— Это любимые цветы твоей матери... Я обещал вернуться и любоваться ими вместе, но когда они расцвели, её уже не было...

Ан Лэ замерла. Она присмотрелась и увидела в глазах генерала слёзы.

Как сильно нужно любить, чтобы такой железный человек не смог сдержать чувств?

Она не понимала любви. Она видела много историй, но сама никогда не любила.

Ведь это всё было не с ней.

<http://bllate.org/book/21755/2249610>